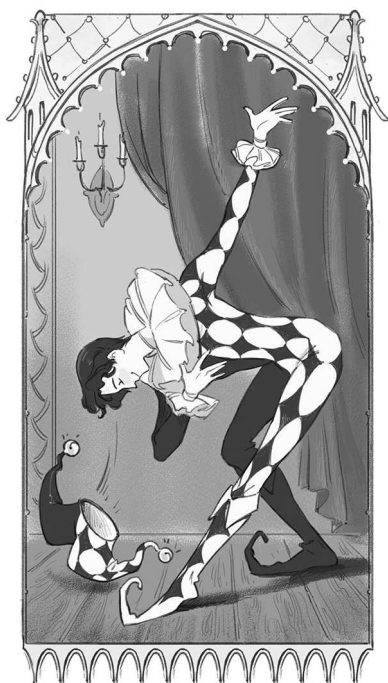
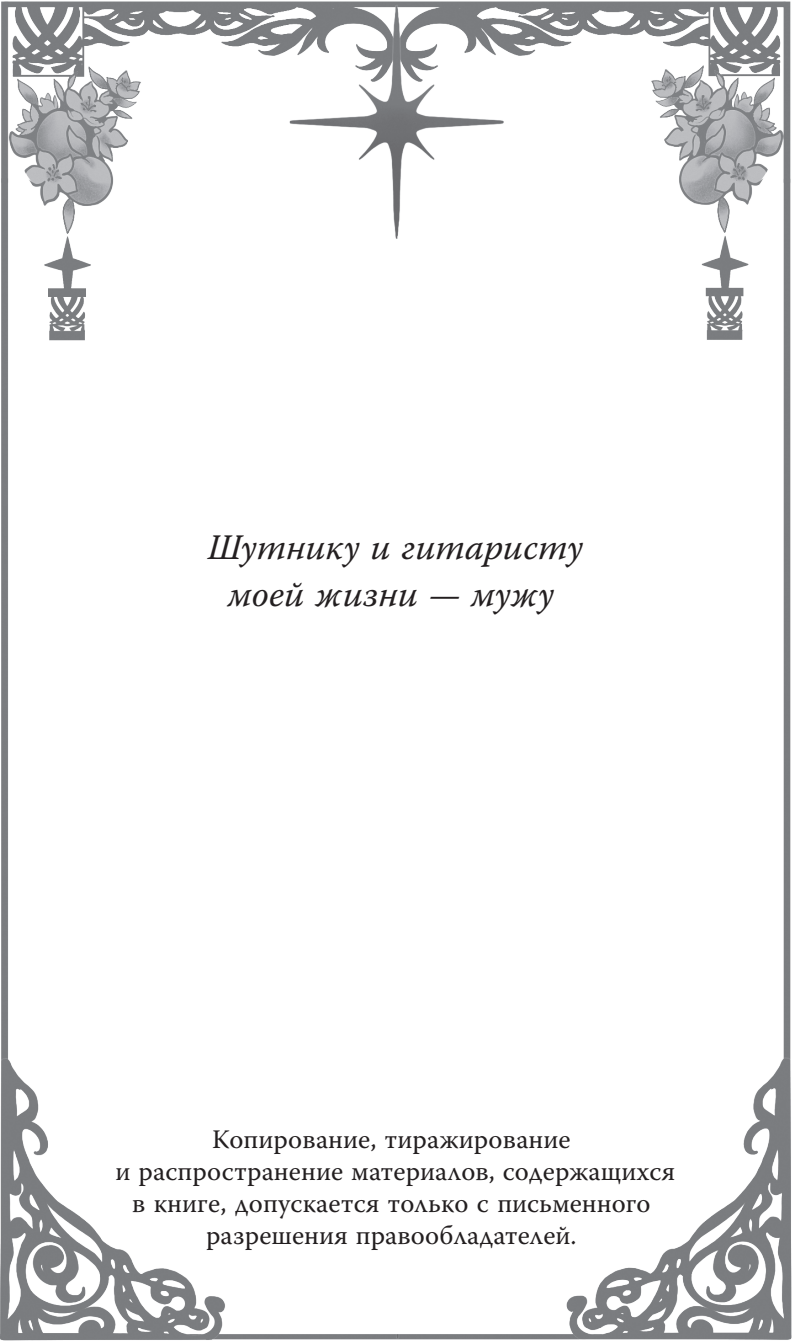

A decorative border frames the page. At the top center is a five-pointed star. The corners are adorned with floral motifs, including pomegranates and leaves. At the bottom corners are large, intricate scrollwork designs.

*Шутнику и гитаристу
моей жизни — мужу*

Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся
в книге, допускается только с письменного
разрешения правообладателей.

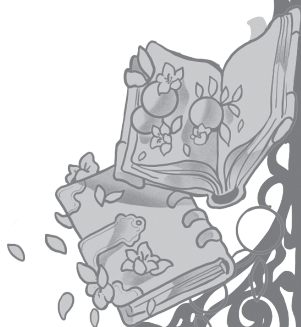

Песня Злата

Дария
Каравацкая

Москва
2027

КУПЛЕТ ПЕРВЫЙ

Трынь-дрынь струна, трень-дрынь струна — песнь во славу Филиппа-короля! Трынь-дрынь струна, трень-дрынь...

Да в пекло все! Если еще здесь я стану распевать хвалебные песни, то сойду с ума сильно раньше, чем хотелось бы. Впрочем, давайте серьезно: разве это кто-то заметит? Был шут чудачком, станет шут дураком... И все же в этот раз под скрипы лютни спою другую вещь. Мою «Песню простака». В ней герой — не рыцарь, не герцог, не король. А так, простой малец, которому удача изменила, и за это ему спасли жизнь. А потом ему повезло, и его чуть не высекли до полусмерти.

О, право, интересная вещь! Трагичная, но со вкусом.

В далеком королевстве дело было. Если бы мог, рассказал бы вам и название, и меж каких гор то королевство располагалось. Да вот только жестокие войны приучили местных к особому обычаю: мы молчим. Хочешь остаться жив — держи рот на замке. Никто не расскажет, как справился с хворью, не расскажет о своем портном или о башмачнике, который сделал пару помпезных сафьяновых сапог. И не назовет свое имя. А если назовет, то приукрасит так лихо и витиевато, что от имени останется лишь намек. Никто не осудит за это, поверьте. В замке и вовсе приняли официальный указ — лишать родного имени каждого, кто приезжает в его стены на службу. Нас лишают имен, семей, лишь бы у врагов не появилось рычага давления на прислугу. Ведь стоит дернуть за такой рычаг — и недоброжелатель получит слишком прямой доступ к замку: слуга откроет ворота, погасит огни, уведет стражу, подсыпет яд. Так и выходит. Приезжаешь, на тебя глядит кто-то из королевской свиты и говорит: «Ну точно безумец этот малый, так его и назовем».

Приятно познакомиться, кстати. Меня зовут Лефу. В ваших краях звучало бы совершенно безумно¹.

¹ Имя мое можно найти в словарях. *Le fou* — безумец, сумасшедший (перевод с французского).

Сколько лет я уже ношу это имя? Десять. Или одиннадцать. Я перестал считать где-то на пятый год, когда перестал просыпаться по ночам от страха, что меня разоблачат и вернут в деревню с позором. Тогда я понял, что сросся с маской, что Лефу — уже не только прозвище, но и часть меня.

За эти годы кончики моих пальцев огрубели от струн лютни, ссадины и мозоли не сходили из-за бескончаемых трюков. Но временами, когда я слишком долго рассматриваю все эти шероховатости, вспоминаю отца. Видимо, меня так впечатлило в детстве, как он лихо справлялся с молотом и раскаленным металлом. У меня не такие широкие кисти, нет той черной каймы под ногтями, как и запаха железа и масла. Да, впрочем, ничего с той поры у меня больше нет.

В день моего исчезновения я доставал отцу по пояс, помнил, как отличить сплавы и какие использовали в быту, а какие шли на оружие. Тех знаний почти не осталось, зато до сих пор внутри растекается тепло, когда прохожу мимо королевской оружейной, откуда по-домашнему пахнет копотью факелов, металлов и потом.

Родители мечтали, что мы с братьями станем мастерами. Старший ловко управлялся в кузнице, он был юрким, ловким и при этом достаточ-

но крепким. Интересно, пошел ли он по стопам отца? А может, он тоже стал синдиком² деревни? Хотя я вряд ли об этом узнаю... Младший брат с сестрой еще не раскрывали свои таланты, но мне хочется верить, что они тоже нашли дело по душе. Да я и сам мечтал однажды стать в чем-то мастером, жениться на какой-нибудь девчонке из соседней деревне, завести детей, которые потом пойдут по моим стопам.

Но я потерял все. Мне было десять лет, я был так глуп, так упрям и считал, будто мир устроен просто и справедливо... И вот я стою в замке, смотрю на свои руки и думаю: что, если бы тогда жизнь свернула бы меня в другую сторону? Что, если бы я охотнее соглашался со старшими? Может быть, сидел бы в какой-нибудь мастерской и строгал доску, а где-то рядом стояла бы ворчливая жена и приговаривала: «Все, хватит работать, иди ужинать».

Довольно мечтать. Я — Лефу. Шут. Человек с чужим именем, без дома, без прошлого. Только колпак с бубенцами и старая лютня, которая помнит все мои песни.

Королевство наше пусть и закрытое, но невероятно красивое — если, конечно,

² В деревне *синдик* — тот самый человек, который представляет интересы сельской общины, защищая свой народ перед сеньором и королевскими служителями. Как правило, это человек с хорошо подвешенным языком, тонким чувством морали и особой стойкостью. Думаю, именно таким и был мой отец.

смотреть издалека. Если смотреть изнутри, как я, — оно превращается в клетку. Камни замка знают меня лучше, чем люди. Я могу пройти по любому коридору с закрытыми глазами и не споткнуться. Знаю, где какая плита шатается, где стена хранит тепло от камина, где в углу вечно скапливается сквозняк. Эти знания не приносят особой радости. Они напоминают, сколько лет я не покидал этих мест.

Гобелены на стенах изображают сцены охоты и побед. Я смотрел на них так долго, что могу пересказать каждую деталь: у какого оленя сломана нога, какой рыцарь потерял шлем, какая дама улыбается фальшиво. И, как появляется время, сочиняю про них разные песни, вплетаю в сюжеты баллад.

В стенах замка забываешь, как вокруг красиво. Но даже сквозь каменные балконы глянешь, и полумертвая душа оживает: горы, реки, леса, луга. Растения знают толк, где распускать свои самые яркие цветы. Вот и знать соседних королевств считает наши земли особенными... Как там поется?

*Было три птишки у королевской короны,
Две вышли замуж, упорхнули за море.
Берегись, третья птишка, не плачь по ночам,
Твой брак — лишь путь к королевским мечтам.*

Все так, увы. Вот и сегодня очередная делегация пожаловала во дворец. Кухарки готовили всю ночь, виночерпий накануне подготовил лучшее вино из погребов, весь замок гудел в предвкушении визита герцога Камиля де ла Роша. Вот здесь, пожалуй, я и начну свою песню.

С чего начинается королевская трапеза? С маскарада. И понимайте как хотите. Я же оказался у столика в комнате неподалеку от трапезного зала. Над столом висит кусок мутного стекла в облезлой деревянной раме, который здесь гордо называют зеркалом. Мое время пришло. В зеркале вижу глаза, что глядят с презрением на выбеленное лицо, которое должно делать меня забавным. Вижу раздражение на синие треугольники под нижними веками, они, видимо, должны изображать потешную печаль, но на деле лишь напоминают въевшиеся тени, выдающие, что я дурно спал четвертую ночь подряд. Драгоценный колпак с бубенцами водружаю на голову, и он давит на виски не хуже шлема. И в довесок это праздничное жабо душист меня, точно чья-то огромная лапа.

Но что поделать. Весь этот образ — Лефу. Наступает момент, когда ты срастаешься с личиной,

которую дарят тебе в замке. Просто смиряешься, смотришь в отражение на разукрашенную физиономию, готовый вот-вот ворваться в большой зал, где аромат жареного мяса перемешивается с терпким духом лицемерия, а ты, главный лицедей, порой держишься честнее всех. Да, все это я. И другого меня, скорее всего, никогда не будет.

Взгляд падает на маску, что лежит на краю стола у самого зеркала. Оковы, подогнанные точно под мое лицо. Интересно, как она здесь очутилась? Беру пропажу в руки. Тонкая расписанная кожа смотрит на меня пустыми глазницами. Ни для кого не секрет: что с маской, что без нее Лефу все тот же шут. Никакой интриги, разве что толика свободы, ведь самое главное — мои глаза — она заботливо спрячет ото всех. Но сегодня без поблажек. Пусть все видят, что под маской есть человек. Кладу ее за пазуху на тот случай, если захочу исчезнуть.

Мог бы я снять колпак? Оторвать жабо, бросить тесные двухцветные перчатки на пол и уйти? Даже если бы это позволял закон, я бы не ушел. Да и, стыдно признать, никогда по-настоящему не хотел. Сам не знаю почему...

— Лефу, ты готов? — окликает один из шутов. — Мы с Тордю чуть задержимся, он опять фруктов объелся, сбежал... ну, ты понял куда.

— Я почти готов, могу начать без вас.

— По рукам!

Поправляю колпак — бубенцы звенят так мерзко, виски пронизывает тысяча острых игл. Герцог, вероятно, уже оmyвает свои благородные ручки. Король вот-вот сядет во главе стола, потирая бороду и ожидая, что сегодняшний вечер пройдет безупречно. В моей власти песни, трюки и шутки... Ха, шутки! Им нравится смеяться над ними. Но мы ведь просто говорим то, что они не решаются произнести вслух. Можно похихикать и сделать вид, будто сказанное полная чушь, а в глубине сердца снять перед нами шляпу или чуть-чуть... казнить.

— Ну что, Лефу, — говорю своему отражению по традиции, — сыграем?

Отражение молчит, только бубенцы едва заметно подрагивают. Я отворачиваюсь и иду к двери в большой зал. Черно-красные сапоги мягко скрипят. Где-то за стеной уже раздаются гул голосов и звон бокалов. Беру лютню и выхожу. Пора.

Меня тут же встречает волна смешков и хохота. Предвкушение толпы плотно наполняет воздух. Я лукаво улыбаюсь в ответ. Машу свободной рукой то тем, то этим, кривляюсь и хлопаю. Да-да, вот ваш любимый безумец, сейчас начнется потеха.

Король сидит во главе стола, поглаживает бороду — добрый знак, а значит, встреча проходит как надо. Ловлю его взгляд, и он кивает

в ответ. Теперь можно начинать — шут не отвлечет от переговоров.

Прижимаю к груди лютню, она немного теплая, старая, с царапиной на деке. Пальцы сами находят лады. Перебираю тихонько, что-то бормоча под нос. О чем же спеть? Пока подбираю слова, окидываю народ неспешно. Придворные плотно набили зал: маркизы, герцоги и графы надели лучшие бархатные наряды, их дамы пристроили на головах чудаковатые колпаки и шляпки. Часть королевской свиты суетится у стен — молчит, лишь бы не заметили.

Перебираю струны дальше и замечаю герцога. Камиль де ла Рош сидит на почетном месте с правой стороны от короля. Высоченный, широкоплечий. На вид не так уж стар, как я думал, может, лет тридцать пять или чуть больше. Крепкий малый, лицо и руки в полосках шрамов. Человек военный, не иначе.

А с другой стороны от короля — пустое место. Куда же подевалась наша «третья пташка»? Внутри что-то дрогнуло, я чуть не сфальшивил. Я знаю, что буду петь.

*Жил как-то дрозд, непутевая птица,
Мечтал покорить он высоты,
И желаний порочных скорее добиться.
Пока его братицы питались червями,
Он грезил лимонами под небесами.*

*Взлетел бедолага, надорвавши крыло,
Хоть знал он в душе, что лимоны — не то.
Но тоска и надежда его погубили —
Сидел бы в крапиве, где червями кормили.*

*Вот так и бывает порой:
Мечтал глупый дрозд о запретном,
Теперь под стеною лежит он немой,
И сам для червей стал десертом.*

Зал рукоплещет, заливается смехом. Им понравилось — еще бы! Песня про глупую птицу, что может быть проще, не правда ли? Даже король хлопнул в ладоши раз-другой. Я выдаю глубокий поклон, и в этот миг в зале становится тихо. Открывается высокая резная дверь, и церемониймейстер звучно объявляет о долгожданном визите принцессы. Уверен, она думала проскочить незаметно. Увы, не в этот раз.

Элоиза медленно входит в зал. Сегодня на ней платье небесно-голубого цвета, как ее глаза... Белый шифон обрамляет тонкую шею, струится по ключицам до линии высокого корсета, вышитого перламутровыми бусинами. Темные волосы собраны на макушке, и только два локона аккуратно спадают на усыпанное бледными веснушками лицо. Каждый в этом зале смотрит на нее. Я не проверял, но чувствую это.

Она доходит до стола, ни разу не подняв взгляд, король знакомит ее с герцогом, тот целует ее руку и заливается краской. Элоиза улыбается в ответ, наклоняется и что-то шепчет отцу. А после — я знал, что так и будет, — смотрит прямо на меня. Кажется, она печальна. Мои губы сами растягиваются в лукавую ухмылку. Не успел я отложить лютню, как в зал вкатывается кубарем Тордю и начинает громко гоготать. О, нет, друг мой, этим вечером все взгляды будут моими.

Я отдаю лютню пажу, надеюсь, хоть этот не добавит струнной подруге царапин. Выхожу в центр зала, каждым шагом приближаясь к кульминации. Снимаю шляпу, господа. На этот раз буквально. Колпак летит звонко вверх, бубенцы звенят как перепуганные мыши. Все смотрят на меня, Тордю строит рожи где-то в тени. Зрители ждут. Воздух наполняется томящим накалом внимания. Хотят увидеть что-то нелепое? Что ж, так и быть.

Первым кульбитом сбиваю ногой шляпу подальше к Тордю. Кровь бежит по жилам, туманит кристальную ясность, которая не дает мне покоя. И следом, не сбавляя темпа, второй кульбит — мир кувыркается вместе со мной: канделябры и торшеры рябят в глазах, ноги гостей выглядывают из-под столов, а где-то в толпе пестрит голубой огонек. Дамы, что поближе,

визжат: как мило! Становлюсь на ладони и подхожу к маркизам и герцогиням.

— Осторожней, мадам! — кричу я и аккуратно встаю на ноги. — Не то упаду в ваши объятия. А знаете ли, зал еще не готов к потешной обескураженной физиономии вашего супруга. Давайте сперва разогреем гостей, а уж потом...

Хохочут. Славно. Дамочка покраснела до ушей, а ее муженек нахмурил брови. Классика. Беру с ближайшего стола три апельсина и начинаю жонглировать. Один летит в воздух.

— Вот наш казначей, — киваю влево, не прекращая жонглировать, — такой же упитанный кругляш. Только, пожалуй, совершенно не сладенький.

Кидаю второй, теперь перебирая оба одной рукой.

— А вот это маркиз де Монфор. Такой же любитель оранжевых камзолов. И, готов поспорить, внутри такая же кислятина.

Третий апельсин перехватываю ребром ладони.

— Герцог... Ах, герцог де ла Рош. Наш гость скорее уж каштан: снаружи зеленая шипастая кожура, а внутри — загадка. Может, сладко, а может, нет. Кто же его раскусит?

Жонглирую медленно фруктами, словно впервые, затем быстрее, со скупающе-печальным видом. Какой-то щедрый господин